

М.В. Смирнова-Сеславинская, К.Г. Красухин

**АПЕЛЛЯТИВ *MORE* В СОЦИАЛЬНОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ ЦЫГАН: ВЫРАЖЕНИЕ
СОЦИОВОЗРАСТНОГО СТАТУСА И ПРОБЛЕМА
СЛОЖНОСОСТАВНОЙ ЭТИМОЛОГИИ**

Введение

Понимание естественного языка как формы бытования культуры привело к антропологизации лингвистических исследований и развитию соответствующих научных направлений ко второй половине XX в. Отдельное направление представляют исследования терминов социальной организации, родства, возраста и пола, которые последние десятилетия устойчиво развивались в сторону междисциплинарности (см., например: [Трубачев 1959; Бенвенист 1995 (1970); Дзибель 2001], с 1990-х гг. — сериальное издание «Алгебра родства» МАЭ РАН).

Еще в XIX в. были сделаны описания отдельных терминов родства (ТР) и их этимологий в цыганском языке [Pott 1844; Raspati 1870], выделены слои лексики, унаследованной из индоарийского словаря и заимствованной в пост-индийский период [Miklosich 1872–1880]. Подробная информация о цыганской лексике индоарийского происхождения содержится в этимологическом словаре индоарийских языков Р.Л. Тернера [Turner 1969–1985]. Обобщающие результаты лингвистического взгляда на происхождение общего слоя лексиконов цыган Европы представлены в этимологическом словаре цыганского языка Н. Борецкого и Б. Иглы [Boretzky, Iгла 1994]. В то же время публикации, содержащих системный анализ социальной терминологии цыган, по объективным причинам очень мало, поскольку цыгановедение относительно недавно выделилось в отдельное научное направление. Заметные исследования представлены в публикациях Л. Пьязере и С. Костица. В статье индолога С. Костица кратко рассматривается современная структура ТР европейских цыган¹, приводятся этимологии основных терминов [Kostić 1997]. Публикации Л. Пьязере представляют структуралистский и компонентный анализ терминологии родства, ряд аспектов системы терминов родства (СТР) и системы родства (СР) европейских цыган [Piasere 1982, 1994].

Направление, рассматривающее ТР цыган в связи с их культурогенезом и социальной организацией, развивается в исследованиях М.В. Сеславинской и Г.Н. Цветкова² [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: 365–530, 603–702; Смирнова-Сеславинская 2011: 100–110; 2013а; 2013б; Цветков 2011: 83–143].

Указывая на индоарийские этимологии терминов ближайшего родства цыган, лингвисты рассматривают генезис *номенклатуры ТР и общественного строя цыганских групп Европы* как процесс, происходивший за пределами индийского культурного ареала [Cohn 1969: 481; Kostić 1997: 19]. При этом исследователи отмечают, что ТР индоарийского происхождения, обозначающие членов нуклеарной семьи и не прямых родственников поколения +1 (дядю и тётку), восходят к индийскому (или индийскому и частично иранскому) лексикону и неизменны у всех носителей цыганского языка [Piasere 1982: 14; 1994: 204; Matras 2002: 25–26]³. Для других степеней родства используются описательные конструкции или же обозначения из языков окружения. Сделав сравнительный компонентный анализ локальных номенклатур и СТР цыган и их окружения в некоторых странах Европы, Л. Пьязере показал влияние ТР и СТР окружения на ТР и СТР цыган [Piasere 1982: 6–16; 1994: 191–203]. В то же время это влияние, *связанное с функциональным двуязычием и двукультурностью цыган*, прежде всего касается обозначений тех категорий родства, которые отсутствуют в культуре цыган и регулярно воспринимаются ими из культуры и языков окружения. В результате этого и номенклатура ТР, и СТР цыган «добраиваются» за счет заимствованных у окружения элементов. Полученная терминологическая «конструкция», впрочем, оказывается неустойчивой: как указывает Л. Пьязере, при миграции носителей цыганского языка в другие страны, в течение двух поколений заимствованные термины заменяются на термины страны актуального проживания, а ядро ТР индоарийской этимологии сохраняется. Этот процесс полностью осознается самими носителями цыганского языка, которые разделяют термины на «цыганские» и «нецыганские» [Piasere 1994: 202–204; ПМСЦ]. Можно сказать, что подобный «контроль» ТР — часть осознанного *контроля языка* его носителями через разграничение заимствованных и «исконных» пластов лексики — явления, направленного на сохранение родного языка и культуры в иноэтническом окружении (подробнее см.: [Цветков 2011: 72–79])⁴.

В связи с вышесказанным мы полагаем, что следует подходить дифференцированно к генезису различных пластов социальной лексики цыган и рассматривать в качестве *отдельной системы* термины индийского происхождения, поскольку термины индийской этимологии составляют устойчивое ядро ТР цыган, номинирующее членов основных подсистем традиционного этносоциума — расширенной семьи и локальной общины — и те же статусы в соответствующих подсистемах социумов окружения. Рассматривая комплекс социальной терминологии цыган индийского слоя в виде терминологических рядов, можно сказать, что он служит для обозначения: 1) отношений в нуклеарной и расширенной семье; 2) половозрастных статусов во внутриэтнической и межэтнической сферах [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: 365–530, 603–702; Смирнова-Сеславинская 2013б].

При этом речь идет не просто об индийских этимологиях терминов, входящих в указанные номенклатуры, — сами *номенклатуры* по основным параметрам обнаруживают близкое родство с рядом терминологических номенклатур современных языков Индии [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: 635–702; Смирнова-Сеславинская 2013б]. Это указывает на преемственность традиционных представлений цыган об организации социума от их этногенетических предков, сформировавшихся в индийском культурном ареале. Сравнительный анализ базовой терминологии общественного строя цыган позволяет конкретизировать роль индийского/индоарийского субстрата в их культурогенезе, ведь термины социального строя относятся к одному из наиболее устойчивых пластов субстратной лексики⁵. Влияние этого раннего слоя понятий и терминов на бытование и развитие соответствующей терминологии цыган за пределами Индии было достаточно велико, потому что весь последующий период после миграций из Индии у мигрантов сохранялась основанная на представлениях о родстве система отношений в этносоциуме и вовне его. С этой точки зрения привлекают внимание не только термины социальной организации, происхождение которых в цыганском языке из индоарийских языков (ИАЯ) давно доказано, но и термины, этимологии которых связывались с языками народов Европы, однако которые могут рассматриваться (и в последнее время рассматриваются) как двойные или сложносоставные, связанные с участием индийского субстрата⁶.

В этой статье мы рассмотрим часть указанной проблематики на примере анализа этимологии и функционирования апеллятива *more* (м.р.) — *mori* (ж.р.), распространенного в различных диалектных формах у цыган Европы. До сих пор эти формы и их производные в диалектах цыган рассматривались лингвистами как заимствованные из греческого — прямо или же опосредованно, через другие балканские языки [Boretzky, Iglá 1994: 184–185; Boretzky 2009–2012: 19–20]. Между тем есть основания считать, что ром. *more–mori* представляет собой, по крайней мере, контаминацию двух форм, а происхождение обозначаемого им понятия восходит к древнейшему социониму⁷, формы которого существуют в разных языках. Эта проблема была первоначально затронута в работе [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: 625–627, 787–789], где показаны культурные и лингвистические условия связи апеллятива с индийским этимомом/этимонами. Кроме этого, данные по ТР языков Индии позволяют считать, что предполагаемый индийский этимон ром. *more–mori* мог составлять неотъемлемую часть номенклатуры социальной терминологии индийских предков цыган. Здесь мы, опираясь на это предварительное исследование, а также на последующий анализ этой проблемы [Krasukhin, Seslavinskaya 2012; Красухин, Сеславинская 2013], рассмотрим культурное содержание термина ром. *more–mori* и факторы его сложносоставной этимологии. Мы используем методы лингвоантропологии и лингвокультурологии, с учетом подходов социолингвистики и сравнительно-исторического языкознания. Они позволяют оценить функционирование термина *more* в речи цыган и выражаемого им понятия — в их культуре, выявить универсальные понятия, обозначаемые основой *mar-/mor-* в различных языках, и сложную этимологию цыганского термина в связи с особенностями цыганского языка как контактного.

Уточним некоторые термины, использующиеся в современном цыгановедении. *Романи́* — общий термин, обозначающий совокупность диалектов цыган Европы. Его происхождение связано с наиболее распространенным среди европейских цыган эндоэтнонимом *ром*; этническое название языка цыган-ромов — *романи́ чиб*, *романи́* «язык ромов» (соответственно язык переднеазиатских цыган-*до́мов* — *домáри*, армянских цыган-*ло́мов* — *ломаврéн*). Распространение термина *романи́* в научной литературе стало результатом изучения языков этих раз-

личных групп и дифференциации понятий, прежде всего в европейских цыгановедческих исследованиях, с начала XX в. Эта терминология позволяет разграничивать между собой не только группы носителей языковых образований индийского происхождения (*ромов, домов и ломов*), но и отделять от них иные группы со сходными чертами уклада (например, среднеазиатских цыган-*мугат*, так называемых *морских цыган* и др.). Несколько терминов введены Я. Матрасом в рамках разработки периодизации развития романи. Так, под *проторомани* понимается этап в развитии романи в период его отделения от других родственного ИАЯ (с момента перемещения носителей романи из зоны ИАЯ в зону дардских и нуристанских языков в Северном Панджабе) до начала интенсивных контактов романи с греческим в византийско-балканский период [Matras 2002: 18–19; Proto-Romani, ROMLEX]. Под *ранним романи* (примерно X–XIV вв.) подразумевается этап развития романи в зоне распространения греческого языка. По современным представлениям, носители раннего романи жили в Византии и концентрировались в Малой Азии, но распространились между Анатолией и Балканами начиная примерно с X в. н.э. Верхняя граница развития раннего романи и начало формирования современных цыганских диалектов связаны с началом массовой экспансии цыганских групп за пределы Балкан. Ранний романи, на котором говорили в поздневизантийский период, входил в балканский языковой ареал и, таким образом, представлял собой балканизированный индийский язык [Matras 2002: 19; Early Romani; Present-day Romani dialects].

1. Особенности функционирования *more* в цыганском и греческом языках: формы, значения, понятие

Ром. *more* (м.р.) — *mori* (ж.р.) составляет часть лексиконов различных диалектов цыган Европы. Н. Борецкий и Б. Игла в этимологическом словаре, обобщающем результаты исследований этимологий лексики цыганского языка за последние полтора века, и Н. Борецкий в этимологическом исследовании 2009–2012 гг. приводят различные формы обращения ром. *more–mori*, этимологически связывая их с греч. $\mu\omicron\rho\acute{\epsilon}/\mu\omicron\rho\acute{\eta}$ (также. указана возможность заимствования греческого апеллятива через славянские языки) [Boretzky, Iglá 1994: 184–185; Boretzky 2009–2012: 19–20]⁸. Н. Борецкий пишет: «*Moré!*, ж.р. *mori!* как фамильярное обращение происходит из греческого

μωρέ!, ж.р. μωρή!, дословно “глупый, дурачок”, однако обнаруживается как заимствование в балканских языках — в болгарском (ж.р. *marí*), македонском, албанском, частью и в восточно-сербских диалектах. Поэтому трудно решить, из какого языка могла быть заимствована эта частица в цыганские диалекты, на которых говорят в Болгарии, Македонии и Албании. Там же, где эта частица не представлена в соседних языках, следует предположить заимствование из греческого: СД (пьемонтские синти) *more* (n), СВД (севернорусский) *móre*, (балтийские) *moré*, СЦД (восточнословацкий, сиебенбургский) и ЮБД 2 *more*, ЮЦД (румунгры) *more*, СВл в Швеции *more*, СВл в России [Деметеры 1990] *mó(re)*⁹, ЮВл в Боснии *moro, mora* (?), но ЮБД 2 (бургуджи) в Косово *more, morí*, где следовало бы ожидать сербское по происхождению брэ!, хотя в сербских диалектах обычны и более долгие формы. Среднегреческое *μπρε!*, соответственно *вре!* является предтечей балканского *bre!*, соответственно *re!*» [Boretzky 2009–2012: 19–20]¹⁰.

Ниже мы приводим употребление μωρέ в греческом языке:

μωρέ

μωρή (к женщине)

1) (при обращении) ну, ты!, эй, ты!;

~ ποὺ πάς — эй, (ты), куда идешь?;

2) (для выражения удивления):

~ πὼς μεγάλωσε! — какой он стал большой!; смотри, как он вырос!;

3) (перед именем при настойчивой просьбе):

~ Νίκο πάμε νά φύγουμε — Нико, ну давай же уйдем!;

~ μπράβο! — ну и ну!; ну и молодец!;

~ τί λέτε — а) подумайте, о чем вы говорите!; б) как бы не так! [Хориков, Малев 1993].

μωρέ intr. he! nun! du!.. ihr!.. междометие: ‘эй! ну! ты!.. вы!..’ [Mandelson 1972: 900].

μωρέ: ἡ σημερινὴ σημασί α τοῦ μεταγ[ε]ν[εστέρου] ‘нынешнее обращение к более молодому’ [Ανδριώτη 1983: 226].

μωρέ: κλητ[ικῆ] τοῦ αρσ[ένου] ‘обращение к мужчине’ [Καμπάνας Ηλιάς 1983: 491].

Эти примеры демонстрируют, что греческий язык использует это имя как экспрессивное обращение. Акцентуация и фонетика показывают, что цыганские диалекты восприняли греческие формы (в некоторых странах — через посредство других балканских языков) в звательном падеже от греч. μωρός 1) глу-

пый, неразумный; нелепый; 2) глупец, дурак [Там же]. Так, звательный падеж *morós* (м.р.) читается в греческом как *moré*, *mwr* (ж.р. — *mori*). Ром. *more–mori* и их энклитические формы (*mo!*, *bre!*, *ore!*, *re!*) рассматриваются Н. Борецким и Б. Иглой, по аналогии с их актуальным функционированием в греческом, скорее как экспрессивная частица, чем как обращение-антропоним, хотя они указывают на ее этимологическую связь с последним [Boretzky, Iglá 1994: 184–185].

Между тем функционирование *more* в цыганских диалектах отличается от употребления в греческом и других балканских языках. Сами носители цыганских диалектов осознают не только его антропонимическую природу¹¹, но и определенную этикетность обращения. В цыганских диалектах, распространенных в России, на Украине, в Белоруссии, Молдове, апеллятив существует *только в форме мужского рода*. Это, во-первых, обращение мужчины к мужчине (цыгана к цыгану) в ситуации паритета социального возраста и внутриэтнического статуса (речь идет о *полноценном социальном возрасте*, т.е. подразумеваются самостоятельные зрелые мужчины; при этом реальный возраст собеседников может сильно различаться). Во-вторых, ром. *морэ* можно рассматривать и как этикетное обращение при общении цыган между собой (включая обращение женщины к мужчине), в частности в ситуации, когда люди не знают имен друг друга. Укороченное *мо* ощущается цыганами-ловáрями как более фамильярная форма обращения; она принята между близкими и хорошо знакомыми людьми. Условный русскоязычный эквивалент этого апеллятива — обращение «дружище».

Указанный культурный контекст функционирования ром. *more* позволяет дистанцировать его от уничижительных смыслов греческого апеллятива: цыганская традиционная культура — *культура социальных статусов* и насквозь иерархична, с соответствующим речевым этикетом, и использование пренебрежительно-снисходительных обращений по отношению к мужчине в ее нормативных рамках неприемлемо. Для эпохи предполагаемого заимствования апеллятива — примерно в X–XIII вв. — это верно еще в большей степени, чем сейчас. Эти подробности являются важным указанием на социальное содержание и этимологию *more–mori* в цыганских диалектах, связанные с рефлексами системы социальных статусов и возрастных классов в традиционном социуме (об этом см. далее). При этом бытование *more–mori* в качестве *обращения* позволяет предположить достаточно

большую архаичность термина в *романи* (т.е. еще в добалканский период), поскольку антропонимы-обращения входят в наиболее устойчивое лексическое ядро языка и могут сохраняться после утраты референтивных форм того же термина.

Трактовка апеллятива в некоторых ситуациях как экспрессивной *частицы* в греческом языке связана, на наш взгляд, с проблемой перевода на современные языки некоторых антропонимов, происхождение которых восходит к реалиям социальной организации традиционных культур. Их невозможно полностью передать в терминах и понятиях культур индустриальных и постиндустриальных, а можно лишь найти им *условные соответствия* (на материале цыганского языка см.: [Смирнова-Сеславинская 2013а]). Так, встречающийся в языках различных языковых семей этимон *mar-/mor-*, рефлексом одной из форм которого, на наш взгляд, является ром. *more*, представлял собой обозначение возрастного класса молодых людей «предбрачного» возраста (см. далее). Этому соответствует традиционная практика использования этого термина у цыган как обращения по отношению к равным по статусу и возрасту (т.е. к членам своего возрастного класса).

Наше предположение состоит в том, что указанный апеллятив в цыганском языке имеет сложносоставную этимологию, что представляется вероятным, поскольку он может восходить к архаической основе *mar-/mor-*, распространенной во многих языках, принадлежащих различным языковым семьям. Кроме этого, при анализе этимологии термина следует обратить внимание на тот факт, что заимствования антропонимов из *цыганского в языки окружения* нередко характеризуются приданием им пейоративного смысла. В частности, М. Какук отмечает, что наибольшая часть заимствований из цыганского в венгерский носит презрительный оттенок [Какук 1994: 203]. Я. Матрас замечает по этому поводу, что такое употребление связано с тем, что цыганский язык воспринимается окружением как «антиязык» [Matras 2002: 250].

В качестве примеров ср. укр. *мóрики* — презрительное название цыган на Украине [ПМЦ: Цыгане Украины] и ром. сэrv. *мóрэ/морэ*. Другой пример — фамильярное обозначение в болгарском *гáдже* — «любовница, молодая красивая девушка, девушка, симпатичная девушка» [Костов 1956: 414; ПМСЦ 2008–2013: Болгария], ср. ром. *гаджё* «нецыган» и *гаджи* «нецыганка»¹².

Иными словами, цыганский язык некоторыми сторонами своего функционирования мог уподобиться аргю. Особенности быта цыган заставляли их заботиться о шифровке своих сообщений (как это показано в приложении к новелле П. Мериме «Кармен», где приведены некоторые детали быта и трактовка обычаев европейских цыган, в частности, французских и немецких). Таким образом, цыганские диалекты приобрели некоторые характерные черты аргю. В частности, в аргю нарушаются фонетические законы, т.к. особенности произношения приобретают знаковый характер. В русском воровском аргю к таковым относятся смягчение шипящих и свистящих и их взаимная мена, не обусловленные фонетической позицией: [ш'ум], [сл'ушай]. Дело в том, что российские уголовники подражали одесскому говору, где шипящие смягчались перед гласными переднего ряда; в жаргонах благодаря этому появились мягкие согласные там, где для их смягчения не было условий. Следствием этого незакономерного процесса явилось изменение *шавка* → *сявка*. В цыганском языке в результате аналогичного незакономерного процесса из др.-инд. *lohá* 'краснота', затем 'медь' развилось имя *ловэ* 'деньги' (оно вошло в русский жаргон, а через него и в разговорный язык; сейчас по-русски чаще пишется и говорится *лавэ*). Таким образом, фонетический облик слова в аргю отличается неустойчивостью. В то же время аргю и жаргоны весьма активно заимствуют лексику, и исконные слова в них меняются под воздействием сходно звучащих из контактных языков (подробнее об этом см. ниже — раздел 4).

Другая характерная социолингвистическая особенность цыганских диалектов состоит в том, что они занимают нишу разговорного языка. Функционируют они по большей части в устном виде, кодифицированная норма в них отсутствует, как и официальные тексты. Это тоже предопределяет фонетическую лабильность и лексическую проницаемость.

2. Основа *mar-/mor-*: формы, значения и социальное содержание

В ИЕ, ИАЯ, афразийских и языках дравиды. Мы полагаем, что заимствование *more–mori* в диалекты цыган из греческого или, возможно, из некоторых других балканских языков наложилось на имевшийся у цыган звукокомплекс, принесенный из Индостана, который, в свою очередь, восходит к древнейшему протоиндоевропейскому этимону **mer(io)*. Его значение рекон-

струируется как обозначение класса молодых людей брачного возраста и имеет рефлексы в ряде языков. Это греч. *μεῖραξ* «(молодая) девушка», *μεῖράκιον*, лат. *maritus* «женатый (владеющий молодой девушкой)», пехл. *mērak* «молодой муж» [Бенвенист 1995: 169]. Древнее индо-иранское слово *márya* Э. Бенвенист определяет как обозначение молодого человека в социальном статусе потенциального мужа, т.е. человека, достигшего брачного возраста [Там же]. В современных ИЕ языках это значение находит развитие в рефлексах фр. *mari*, ит. *marito* «муж, супруг». Э. Бенвенист предположил, что в далеком прошлом этот термин обладал институциональной значимостью и определял класс молодых воинов, поскольку «термин *maryanni*, обозначающий класс воинов, фигурирует среди индо-иранских терминов, которые обнаруживаются в текстах Митанни XIV в. до н.э. ...» [Там же]. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов в этой связи, анализируя тот же производный термин и ссылаясь на Грассманна, определяют др.-инд. *márya* как «молодой человек», «мужчина, входящий в культовое объединение» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 727–728].

С.В. Кулланда в своем исследовании этимологий индоевропейских (ИЕ) соционимов пишет: «О глубокой (доиндоевропейской) древности данного этимона свидетельствует то обстоятельство, что он регулярно восходит к праностратическому *mairV, рефлексы которого имеются в афразийских (араб. *mar* — «мужчина, муж» и пр.), дравидийских (брагуи *mar* — «сын» и пр.) и других ностратических языках; кроме того, как показал С.А. Старостин [Starostin 1989], возможно, и еще более глубинное, праностратическо-северокавказское происхождение данного этимона. <...> В свое время Л. Рену охарактеризовал его (имя *márya*, уточнение наше. — М.С.-С., К.К.) как *mi-érotique*, *mi-guetrier* («полуэротический, полувоенный»). В самом деле термин этот, с одной стороны, постоянно употребляется в эротическом контексте: приближаться или стремиться «как юноша к девице» (*márya ná yóśām*) — устойчивое словосочетание в Ригведе, а с другой стороны, именно этим словом обозначается воин-Индра и воины-Маруты. Сходные пучки значений дают и рефлексы правосточнокавказского *marga, связанного с ИЕ, согласно С.А. Старостину, то ли на уровне глубинного родства, то ли очень древнего (ностратического времени) заимствования: 1) «самец» (дарг. *marga*); 2) «муж, храбрец» [Starostin 1989: 118] (инг., бабц. *mar*; чеч. *majra*); 3) «воин, представитель привилегированной со-

циальной группы” (урарт. *mare* — “привилегированная социальная группа”; хурр. *mari(j)anne* — “колесничий”. <...> Все вышеприведенные значения легко возводятся к праязыковому “член половозрастного группирования юношей-воинов”, в мирное время угрожающих спокойствию социума, а во время войны составляющих ударную воинскую силу и при условии воинской доблести получающих право перехода в следующую возрастную степень и вступления в брак» [Кулланда 1998: 60–61].

Одно из значений указанной основы, развившееся в ряде языков, — «раб» (например, пушт. *trayáú* «раб, невольник»), связано с той социальной ролью, которая этнографически засвидетельствована для половозрастной категории мальчиков-подростков, например, у таких народов Восточной и Экваториальной Африки, как ньяка, ганда, ньямвези, конго. Там «неиницированные юноши временно как бы относятся к категории лично зависимых или рабов» [Мисюгин, Чернецов 1978: 170; цит. по Кулланда 1998: 61]. К.П. Калиновская показала, что молодые африканские юноши 14–16 лет уже считались взрослыми воинами, но еще не входили в категорию инициированных взрослых мужчин и потому не имели права участвовать в общественных делах [Калиновская 1980: 58–59; цит. по Кулланда 1998: 73]. Соответственно они имели обязанности и трудились для общины, но не имели прав взрослых мужчин, почему их положение было приравнено к положению рабов.

В языках Индии формы указанной основы обнаруживаются как в ИАЯ, так и в языках дравиды, причем в ряде языков указанная основа составляет часть терминологий ближайшего родства. В обеих группах языков различные формы основы обозначают в одних случаях мужчину, в других — молодых людей, ребенка или сына и дочь, в отдельных случаях — раба.

Ниже представлены таблицы распространения основы *mar-* в языках Индии, составленные по данным издания Дж. Грирсона [Grierson 1904–1922]. Табл. 1 представляет значения различных форм основы в ИАЯ, табл. 2 — обозначения сына и дочери в пяти из одиннадцати языков дравиды, а табл. 3 — обозначения раба в ИАЯ и автохтонных языках Индии.

Цифра, следующая после названия языка в табл. 1, обозначает количество исследованных в издании Дж. Грирсона диалектов в этом языке, а цифра, стоящая в скобках за названием термина, — количество диалектов языка, в которых встречается указанный термин.

Таблица 1

Основа *mar-/mor-* в ИАЯ¹³

ИАЯ	Кол-во исследованных диалектов	Антропонимы	В скольких диалектах встречается
Раджастхани	7	motyār/mötyār — мужчина	2
Ранги	5	mōtyār — мужчина mōṛā сын — mōṛī дочь	3 1
Гуджарати	5	mōtyār — сын и дочь	1
Западный хинди	9	mōṛī — дочь mōṛ(a)lā — ребенок	1 1
Синдхи	4	mārū — мужчина mādū, māṛū — мужчина	1 1
Кхо-вар (дардский)		kimēri — женщина	
Диалекты пахари:			
Бхадравахи		māṭṭhū — сын, ребенок mōṭṭhū — сын, ребенок	
Мандели пахари		maṭṭā — ребенок	
Мандели		maṭṭhā — ребенок	

Таблица 2

Обозначения детей в некоторых языках дравид¹⁴

Языки дравид	Обозначения детей	
	сын	дочь
Гонди	marrī	miār
Куи	mriēnju	mrāu
Телугу	kumārudu	kumārte ¹⁵
Тамил	kumarān	kumārṭti
Брагуи	mār	masir

Ср. представленные в табл. 3 обозначения раба и пушт. *mrayāy* «раб, невольник».

Обращает на себя внимание сходство форм и значений, с одной стороны, ром. *more/mori*, а с другой — соответствующих индоарийских и дравидских терминов. В языках дравид у этой основы нет жестко закрепленного значения, и она в разных языках обозначает мужчину, ребенка, сына, дочь. В части языков дравид основа *mar-* функционирует в качестве этнонима — ср. *мариа*-гонды и *мурия*-гонды (см., например: [Мердок 2003: 445–446]). Этнонимический смысл, по-видимому, связан с «военной» и «мужской» семантикой основы, придающей ста-

Обозначения раба в некоторых языках Индии¹⁶

Языки	Кол-во исследованных диалектов	Обозначения раба	В скольких диалектах встречается
Кхас-кура (непали)	основной диалект	kaṃārā, kaṃārō	
Дардские	4	marai, maristan, meristā	3
Гуджури	5	mrayō	1
Кхасси (мон-кхмер)	5	mrāw	2

тусную значимость указанным самоназваниям¹⁷. Кроме этого, по приведенным примерам мы видим, что в ИАЯ от одной основы, обозначающей мужчину, также образуются обозначения ребенка (и сына, и дочери); при этом основа, как правило, не используется для *отдельного* обозначения дочери или женщины, т.е. в первую очередь номинирует мужчину.

Наиболее вероятными индийскими этимонами для ром. *more–mori* представляются формы, связанные с западным хинди и современным раджастханским диалектом ранги (см. табл. 1, 4), хотя не исключена их связь и с основной *mār-* языков дравиды (см. табл. 2, 4). Что касается перехода *ā* в *o* (инд. *mār-* > ром. *mor-*), представляется очевидным, что в развитии вокализма *o* главную роль должно было сыграть влияние греческого языка, т.е. оно обусловлено контактным характером цыганского языка.

В культурах, где социальная организация остается тесно связанной с системой родства, этнонимы нередко совпадают с обозначениями детей, супругов, мужчины и женщины. Следуя той же логике, можно предположить, что современные индоарийские формы *mōḡā, mōḡī, mōḡyār* и пр. могут быть связаны с основами автохтонных языков, существовавших в прошлом в области развития некоторых индоарийских диалектов. При этом обозначение мужчины в *mōḡyār* могло образоваться с помощью суффикса ИАЯ *-tar* < ИЕ *-ter*, или супплетивным способом, прибавлением дравид. гонд. *ār* «мужчина». И тот и другой варианты образования *mōḡyār* указывают на институциональность статуса, обозначаемого этой формой. Представляется, что этимологически индоар. *mōḡyār* может являться классификационным термином, с семантическими вариациями, обозначающим категорию мужчин активного возраста.

3. Основа *mar-/mor-* как часть ТР и ТПВС языков Индии и романи

Сравнительный анализ ТР и терминов половозрастного статуса (ТПВС) в языках Индии и романи был первоначально сделан в 2009 г. [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: 635–702]. В табл. 4 представлены результаты этого анализа с уточнениями и исправлениями, опубликованными в следующей версии таблицы [Смирнова-Сеславинская 2013б], а также с некоторыми сокращениями, учитывающими основную проблематику данной статьи. Термины, связанные с основой *mar-/mor-*, выделены крупным жирным шрифтом. При чтении таблицы следует учитывать «поколенный сдвиг значений» между ТР и ТПВС, описанный для ИАЯ [Гохман, Оранская 1988: 183–184] и проявляющийся также между терминологиями различных языков Индии, что не влияет на процесс этимологизации терминов и возможности соотнесения приведенных в таблице терминологий (подробнее см.: [Смирнова-Сеславинская 2013б: п. 7.2]). Табл. 4 наглядно демонстрирует, что терминологии ближайшего родства и ТПВС у европейских цыган представляют собой варианты соответствующих терминологий в языках Индии (подробнее см.: [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: 680–702; Смирнова-Сеславинская 2013б]). Основа *mar-/mor-* не просто составляет часть лексического фонда языков Индии (ИАЯ и автохтонных), но представляет собой неотъемлемую часть ТР и ТПВС, которые обнаруживают близость к соответствующим терминологиям цыганского языка.

Примечания к табл. 4

Прочерками обозначены не указанные в источнике термины.

Перечеркнуты ячейки, из которых нами удалены термины, не выступающие как этимоны по отношению ни к одному термину в романи и несущественные для темы данной статьи.

В списке терминов романи звездочкой обозначены термины, которые в данном значении используются как обращения. Подчеркнуты термины, использующиеся как эвфемизмы при табуировании.

Тхару — диалект языка бихари, на котором говорят тхару, аустроазиатское племя [Grierson 1904–1922, vol. V, pt. II: 333–337].

Ранги [*Dāṅgī*] — диалект гурджаров, живущих в холмистом крае на юге от Бхаратпура в Караули и на западе от Джайпура, носящем название *Ранг* [*Dāṅg*] [Grierson 1904–1922, vol. IX, pt. 1: 70].

Таблица 4

ТР и ТПВС в языках Индии, близкие ТР и ТПВС в романи́
(цит. с сокращениями по: [Смирнова-Сеславинская 2013б])

ТР/ ТПВС	Зап. пахари диал. группа куитхали (Зап. Гималаи)	Вост. хинди (Бихар)	Диал. гондвани вост. хинди мандла (Бихар)	Диал. мандла дравидского языка гонди (Бихар)	Диал. тхару языка бихари чампаран (Бихар)	Диал. ранги гурджаров (Вост. Раджастхан)	Романи́
РмР	–	Dada	–	–	–	–	Papo, papus
РжР	–	Dadi	–	–	–	–	Mami
Рм	Baba	*Abba	Dādā	Dadal	Bābā	Dāū (dādō, dājū), bāp	Dad
Рм	Ammā, ay	Ammi, *mā	Dāī	Dāī	Daīyō	Mā, maiyā, bajyō	Daj
ДмР	Dādā, bhai	Bhāīyā	Bhāīyā, dāū		Dādā	Bhāī, bhiā	Phral
ДжР	Dādē, daē, bobo, bone	Bahini, bhain	Bāī	Dīdī	Dādī	Džīdžī	Phen
Вм	Manichh, mach	Manāī		Mārsāl	Mānisē	Mānikh, mōtyār	Rom, manush, mursh, *more, *phral, *papo
Вж	Jwanas, chhēwri	–			Janī	Bair(a)bānī, baiyar	Romni, džuvli, manushni, murshni, *mori, *chaje, *phene
Муж	–	–	–	–	–	–	Rom, <u>manush</u>

ТР/ ТПВС	Зап. пахари диал. группа куитхали (Зап. Гималаи)	Вост. хинди (Бихар)	Диал. гондвани вост. хинди мандла (Бихар)	Диал. мандла дравидского языка гонди (Бихар)	Диал. тхару языка бихари чампаран (Бихар)	Диал. ранги гурджаров (Вост. Раджастхан)	Романи́
Жена	Chhēwri, chhēōri, boti	–		Māyū	Janī	Bair(a)bānī, bhauṭiyā	Romni, bori (невестка) <u>džuvli</u> , *chaje
Д, Дм / Н, Нм	Chohtú, chohta	–	Chhauwā	Chhavvā	Chhok(a)nā Chhok(a)nī	Chhōṭō	Chavo, chavoro, charo
Дм / Нм	Вара bhāú, chhāngtū	–		Marrī	Chhok(a)nā	Chhōrō, mōṛā , lar(a)kō	Chavo, charo
Дж / Нж	Chhōti, chhāgti	–		Miār	Chhok(a)nī	Chhōrī, mōṛī , lar(a)kī	Chaj, chari

Коды к табл. 4

А. Принципы кодификации Ю.И. Левина для ТР (приводятся кратко, подробно см.: [Левин 1970]).

Д — дитя	ж — женский пол
Р — родитель	м — мужской пол

Б. Код социального возраста и пола для ТПВС [Смирнова-Сеславинская 2013б].

Н	— невзрослый — молодой член общины до вступления в брак.
В	ВЖ/ВЗ — взрослый женатый/замужняя — условный диапазон социального возраста: от женатого (замужней) молодого члена общины (традиционно — хотя бы с одним ребенком) — у цыган примерно до 40 лет (для женщин — до 33–35 лет)
	ВС — взрослый статусный — условный диапазон социального возраста: у цыган примерно от 40 (человек со взрослыми детьми) до 65 лет (для женщин диапазон — 33–35 — 57–60 лет)
	ВП — (взрослый) пожилой — условная начальная граница социального возраста: у цыган примерно 65 лет (для женщин — 57–60 лет) — взрослый член общины, имеющий взрослых внуков; рассматривается как родоначальник семьи (обычно мужчина)
ж	— женщина
м	— мужчина

4. Проблема сложносоставной этимологии *more* в цыганском языке как контактным

В русскоязычных публикациях проблемы языкового контакта на материале цыганского языка рассматривались А.Ю. Русаковым. Он ссылается на введенное У. Вайнрайхом [Weinreich 1953] разграничение двух основных типов интерференционных явлений; «а) заимствование языковых элементов (слов, морфем или устойчивых элементов, больших, чем слово) в целостности их формы и содержания и б) межъязыковое отождествление *элементов* двух языков и изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка» [2004: 21]. А.Ю. Русаков пишет: «По поводу последнего надо заметить следующее. 1) Как правило, отождествляются единицы, имеющие в двух языках сходное значение <...> Затем в результате отождествления в субдоми-

нантном языке происходит дальнейшее уподобление значения отождествленного элемента под влиянием соответствующего элемента доминантного языка. Если происходит отождествление элементов двух языков, обладающих не только содержательной, но и определенной формальной близостью, то наблюдается эффект, иногда называемый исследователями *двойной этимологией* (см., например: [Перехвальская 1987]). Многочисленные случаи подобного развития мы можем наблюдать в цыганском языке, по поводу которых исследователи часто спорили о том, является ли тот или иной элемент исконным или заимствованным¹⁸. По всей вероятности, в подобных случаях следует говорить о развитии исконного элемента под воздействием отождествленного с ним формально близкого элемента доминантного языка. Особенно часто подобное явление происходит при контактном взаимодействии близкородственных языков, когда отождествляемые элементы являются и этимологически тождественными» [Русаков 2004: 21]. Добавим, что двойная этимология особенно характерна для разговорного стиля языка, жаргона и аргю. В качестве примера можно привести рус. *хаза*, в котором совпали: венг. *ház*, ит. *casa*, нем. *Haus*. Социолингвистические особенности диалектов романи благоприятствуют двойным и множественным этимологиям.

Действительно, этимологии ряда слов, в том числе антропонимов, цыганского языка рассматриваются исследователями как двойные. Так, для основы ром. *nan* (обозначение старших родственников) показана индоарийско-албанская этимология [Boretzky, Iglá 1994: 194, 322]; индоарийские формы см. в [Turner 1962–1985: 405; Grierson 1904–1922], цит. в [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: 631]. Двойная индо-греческая этимология ром. *tami* «бабушка» рассматривается в [Boretzky, Iglá 1994: 174–175; Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: 648–650].¹⁹

Рассматривая этимологию ром. *more–mori* как сложносоставную, мы выделяем два основных пласта источников.

1. Индийский. Основа *mar-/mor-* входит в состав социальных терминологий некоторых современных языков Индии — ИАЯ (и дардских) и дравиды (см. табл. 1–4), поэтому она могла проникать в лексикон индийских предков цыган еще с индийского периода. Ее происхождение в языках Индии связано с двумя источниками — ИЕ и автохтонными (дравиды).

Так, древнеиндийское *márya* означает: 1) 'юноша', 2) 'жеребенок, конь'. Уменьшительное *máryaka* имеет значение 'юнец,

карлик'. Все эти значения находят параллели в других ИЕ языках. Ср. вышеупомянутое греч. $\mu\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha\acute{\xi}$ 'карлик' (< **mer- $\acute{i}$ ak-s*), др.-в.-нем. *marah* 'жеребец' / *maraha* 'кобыла', др.-англ. *meah*, др.-сев. *marr*, др.-ирл. *marc*, гал. *markan*. Предполагалось заимствование из азиатских, возможно алтайских, языков: монг. *morin*, эвенк. *muri*, кор. *mal*, кит. *mā* < *mra, тибет. *rmang* < *mrang [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 554–555]. Но лошадь была одомашнена в V–IV тыс. лет. до н.э. в Нижнем Поднепровье, районе, связанном с ИЕ прародиной [Mallory 1991: 141–143; ср.: Красухин 2011], где не обнаруживалось никаких следов алтайской популяции. Кроме того, предки тюрок, монголов и тунгусо-маньчжур обитали во времена распада ИЕ общности (начало IV тыс. до н.э.) в районе Монголии, где никто не помещает ИЕ прародины. Поэтому более вероятно заимствование этого имени из ИЕ в алтайские языки.

С другой стороны, интересующий нас этимон находит параллели и в языках дравиды (см. табл. 1, 2 и 4). Приведем ряд основ в языках дравиды, фонетически близких к интересующему нас корню.

Тамил. *marā* 'юность, детство; ребенок', *maralai* 'детство', *maṛavan* 'юноша; воин', *maṛai* 'юность, красота', *maṛaṅka* 'ягнёнок' — каннада *maṇaks* 'молодая телка буйвола'.

Тамил. *mari*, малаялам *mari*, колами *mayr*, телугу *maṛaka*, тулу *mari*, гонди *marri* 'молодое животное', 'дитя; сын'.

Тамил. *maṛādi* 'младший брат жены, муж младшей сестры', колами *maram* 'шурин'.

Таким образом, эти имена обозначают младших родственников, детеныша человека или животного, молодость. В то же время имеются созвучные имена со значением 'власть, агрессия': тамил. *maru* 'боевой топор, раскаленное докрасна железо для пыток'.

Тамил. *maṛam* 'сила, храбрость, злоба, ярость, вражда; Яма (бог смерти)', *maṛal* 'ненависть, вражда, битва, война, смерть', *maṛali* 'Яма', *maṛalu* 'биться, враждовать', *maṛavor* 'воин' — малаялам *maṛam* 'ссора, война', *maṛal* 'смерть, Яма'.

Как и в цитированных выше примерах данной основы из других языков, примеры из языков дравиды также демонстрируют существенный разброс значений: «молодой, дитя» и «сила, ярость, вражда; смерть». Эта особенность семантического развития основы объясняется в рамках типологии слов со значением «дитя, молодой». Общеславянский корень **orb-*

означает 'раб' и 'труд': ц.-слав. *рабъ, работа*, рус. *хлебо-роб*. Тот же самый корень присутствует в др.-рус.: *робъ* (род.п. *робъте*), современном *ребенок*. ИЕ корень **orbh-* представлен в др.-инд. *ár̥bha*, греч. ὄρφανος 'сирота', лат. *orbis* 'лишенный'. Иными словами, ребенок трактуется как неравноправный член общества. Ср. также польское по происхождению *хлонец* (рус. *холоп*, ц.-слав. *хлать* 'слуга'): ребенок и слуга, зависимый член общества, обозначены одним и тем же именем.

Неравноправный статус члена общества может выражаться и на морфологическом уровне. Уменьшительный суффикс, часто образующий имена детей, может указывать и на низшего в иерархии: рус. *мужик* < *мжжь* (с суффиксом *-ик*). Имя ребенка может быть неодушевленным: слав. *дума, робъ*, нем. *Kind* < *genəto. Ребенок как не имеющий прав трактуется и как не имеющий рода.

Другой корень со значением молодости **h₂ieu-no-*, напротив, может обозначать «силу, жизнь»: родственное имя др.-инд. *áyus* 'жизнь', греч. αἰών 'век', лат. *aevum* 'то же' [Benveniste 1937]. Отметим, что производное от этого лат. имени *aetas* (< *aevitas) может означать также 'погода' и 'буря, непогода'.

Тем самым установлены семантические ряды: «молодой, сильный» → «воин, агрессор»; «молодой» → «дитя; бесправный член сообщества» → «раб». Они проясняют сложный комплекс значений корней *mar-/mor-* в индийских, иранских и дравидских языках.

2. Греческий. Что касается связи предполагаемой лексемы индийского происхождения с греч. *μωρέ/μωρή* [Boretzky 2009–2012: 19–20; Boretzky, Iglá 1994: 184, 336], она должна была установиться в результате интенсивных контактов с греческим языком на этапе развития *раннего романи*, т.е. не ранее X в. и не позднее конца XIII в. (очевидно, раньше этой верхней границы), поскольку с XIV столетия начинается интенсивное расселение цыганских групп за пределы Балкан.

Основные смыслы греческой основы, как показано выше, соотносятся со значениями «карлик» и «глупец, дурачок». Возможность дополнительной коннотации связана со следующим. В Византийской империи часть п-ва Пелопоннес именовалась *Μωρέα*. Это слово, появившееся в VI в., по-видимому, славянского происхождения, связано с массовым вторжением славян на территорию Византии. Поэтому нельзя отрицать и возможность дополнительной коннотации апеллятива с наименовани-

ем *μωραῖος* [moreos] — «выходец из Мореи», которое могли получить выходцы с Пелопоннеса, в частности цыгане.

Заключение

Распространение обращений *more–mori* среди нецыганского населения Греции в качестве пейоративного указывает на возможность сложносоставной этимологии этого обращения в цыганских диалектах, поскольку уничижительный характер этого обращения в греческом языке исключает направление этимологизации «из греческого в цыганский». Представляется невероятным, чтобы в цыганском социуме, до сих пор сохраняющем половозрастные статусы и соответствующий речевой этикет, могли использоваться пренебрежительные апеллятивы, в частности в публичном дискурсе между мужчинами. В то же время, заимствования из цыганского в языки окружения нередко носят пейоративный характер (см. выше).

При этом значения и характер функционирования *more–mori* в цыганских диалектах указывает на то, что термины в прошлом могли традиционно обозначать: 1) членов социовозрастного класса, составлявших некую молодежную группу, 2) их социовозрастной статус. Вероятно, речь идет о промежуточном, переходном возрасте из категории ребенка (ром. *чяво/цяво*) в категорию взрослых (ром. *рам*). Соответственно, в качестве обращения этот антропоним мог функционировать между членами одной социовозрастной группы «взрослых», начиная с периода их вступления в группу и далее (поскольку и позже они сохраняли социовозрастной паритет по отношению друг к другу).

Таким образом, основа *mar-/mor-* как соционим могла сохраниться в цыганском языке с индийского периода в виде обращения, т.е. остаточной формы. Семантическая и формальная близость греческого и индоарийского терминов могла обусловить формальный сдвиг в термине индийского происхождения, который в результате контаминировался с греческим. Видимо, свою роль в этом могло сыграть и родство индоарийской и греческой форм (в том случае, если индоарийская форма этимологически определяется как ИЕ).

В то же время формирование соответствующих индоарийских форм в цыганском языке можно рассматривать двояко: составляя часть лексикона индоарийского диалекта предков цыган, они могли быть этимологически связаны с арийской или

автохтонной (дравидской) основой или же явиться результатом контаминации той и другой.

Отметим, что в решении сложных вопросов этимологий в контактных языках нельзя ограничиваться подходами только сравнительно-исторического языкознания. Эти подходы основаны на одном из важнейших понятий в гуманитарных науках — фонетическом законе, который подразумевает четкие соответствия фонемы *a* в языке А фонеме *b* в языке В, если сравниваемые морфемы, содержащие данные фонемы, имеют общее происхождение. Но при изучении таких специфических идиом, как разговорный язык, жаргоны и арг, на фонетические соответствия накладываются ограничения, диктуемые социолингвистикой. В условиях ослабления фонетических законов приходится внимательно изучать языковые контакты с учетом возможной множественности этимологии той или иной лексемы, что мы и постарались сделать.

Важно и то, что базовые ТР и ТПВС цыган, связанные с номинацией родственных и социальных отношений внутри основной единицы традиционной социальной организации — общины, состоящей из одной или нескольких расширенных семей, составляют термины индоарийского происхождения, номенклатуры которых соответствуют ряду терминологий в ИАЯ, и основа *mar-/mor-* представляет их неотъемлемую часть (табл. 4). Поэтому базовые ТР и ТПВС цыган следует рассматривать с точки зрения генезиса ТР и ТПВС в различных ИАЯ как результат процессов культурогенеза разных региональных и этнических групп индоариев на основе контакта арийских и автохтонных групп.

Отметим, что Л. Пязере, посвятивший специальное исследование системе апеллятивов в романи, обратил внимание на то, что она представляет собой особую устойчивую подсистему общей СТР цыган, в наименьшей степени проницаемую для ТР и СТР окружения. Рассматривая контактологические аспекты ТР и СТР цыган-ромов, Л. Пязере пишет: «Мы можем утверждать, что цыганские терминологии формируются под действием двух разнонаправленных сил: внутренней, регулирующей взаимосвязи между системой отношений в цыганской среде и системой обращений (т.е. системой апеллятивов. — М.С.-С., К.К.), и внешней, регулирующей связи между отношениями “цыгане–нецыгане” и системой референтивных терминов. Что касается контактных процессов

в последней системе, было бы ошибочным представлять их в виде простой лингвистической аккультурации, если под аккультурацией понимать пассивный процесс. В действительности нецыганские терминологии (в референтивной системе ТР цыган. — М.С.-С., К.К.) неустойчивы» [Piasere 1994: 203–204].

Ранний романи (примерно X–XIV вв.) в результате комплексного влияния греческого языка испытал «значительные изменения в типологической структуре» [The typology 1997: XIV; цит. по: Русаков 2000] и выработал «специальный механизм морфологической адаптации иноязычной лексики» [The typology 1997: 1–21; цит. по Русаков 2000]. Можно по аналогии сказать, что СТР цыган как подсистема контактной культуры и языка также использует механизм адаптации терминов окружения, номинирующих социальные отношения. С одной стороны, это «неустойчивое заимствование» терминов для обозначения отношений за пределами расширенной семьи и «неустойчивое дублирование» терминов для обозначения близкого родства, механизм которых показан в исследованиях Л. Пязере. С другой стороны, это случаи контаминации семантически и формально близких между собой терминов проторомани и доминирующего языка, одним из результатов которой являются, на наш взгляд, формы ром. *more–mori*.

¹ Под структурой ТР в статье С. Костица подразумеваются различные классы обозначений людей, как индивидуумов, так и групп: 1) обозначения родственников и свойственников, 2) антропонимы и прозвища, 3) обозначения социальных групп цыган, включающие эндо- и экзоэтнонимы, профессионализмы и обозначения социальных слоев [Kostić 1997: 9–10]. В то же время автор не включает в этот список апеллятивы, составляющие часть предмета исследований ТР.

² Подходы к индологическим аспектам проблематики культурогенеза разработаны с участием индолога Е.Н. Успенской (см.: [Успенска, Смирнова-Сеславинска 2009; Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009].

³ Речь идет о тех цыганских диалектах Европы, которые в наибольшей полноте сохранили ТР индоарийской этимологии.

⁴ «Важной особенностью строения лексикона в цыганских диалектах Европы является последовательное противопоставление двух частей лексикона: исконной лексики и заимствованной <...> ...исконные лексические элементы и заимствования обладают разной степенью устойчивости. Исконная лексика относительно устойчива и сравнительно хорошо сохраняется в цыганских диалектах. Совсем по-другому ведут себя заимствования. Неоднократно отмечалось, что замене прежде всего под-

вергаются слова, заимствованные из языка предыдущего языкового контакта данного диалекта» [Русаков 2011: 699].

⁵ Крупный российский лингвист и культуролог В.И. Абаев писал: «<...> субстрат не есть понятие чисто лингвистическое. Явление субстрата предполагает *этногенетический процесс*, сопровождающийся определенными языковыми последствиями. Выдающийся интерес проблемы субстрата заключается, между прочим, именно в том, что это — одна из тех проблем, где наиболее очевидным и осязаемым образом *история языка переплетается с историей народа*. <...> *Языковый субстрат предполагает субстрат этнический. Первый без второго не имеет смысла*. И хотя мое сообщение озаглавлено “О языковом субстрате”, точнее было бы сказать: о языковых последствиях этнического субстрата (курсив наш. — М.С.-С., К.К.)» [Абаев 1956: 58]. А также: «*Субстрат — это не то, что усвоено извне, а то, что данная среда удержала из своей прежней системы после того, как она перешла на новую систему*. И субстрат, и заимствование предполагают проникновение элементов одной системы в другую. Но при субстрате это проникновение несравненно глубже, интимнее, значительнее. Оно может пронизать все структурные стороны языка, тогда как заимствование, как правило, распространяется только на некоторые разряды лексики. *Интимность и глубина сближают субстратные связи со связями, основанными на родстве*. И субстрат, и родство предполагают этногенетические связи. В отличие от них, заимствование ни в коей мере не связано с этногенезом (курсив Г.В. Дзибеля)» [Абаев 1956: 59–60; цит. по: Дзибель 2001: 300].

⁶ См., например, в разделе 4 об этимологиях ром. *nan* и *tami*.

⁷ *Соционим* — некодифицирующий термин, обозначающий социальную функцию, социальный возраст и пол. Введен для лингвоантропологических исследований в работе: [Попов 1982: 60]. Является «нейтральным способом описания социальной номенклатуры первобытности (первичной формации), соотношение которой с современными европейскими представлениями о реальном родстве как родстве преимущественно биологическом нельзя считать однозначным» [Дзибель 2001: 8].

⁸ Приводим статьи из издания 1994 г. Н. Борецкого и Б. Иглы: «*móra!* воскл. [moraɦ!] Эй! Хэй! (ср. more) <...>. *moré!* воскл. при обращении к мужчине (бургудж. ore, босн. гурб. moro); Эй! Хэй! (ср. mora) (< греч. *μωρέ / μωρί*, слав. *móre*) <...>. *mori!* эрлия, бургудж. воскл. при обращении к женщине [бургудж. ori]; Эй! Хэй! (см. more)» [Boretzky, Iglá 1994:184-185]. *moré!* / *mori!* Обращение к мужчине или женщине — Хэй!» (< греч. *μωρέ / μωρί*, слав., алб. *móre*) [Boretzky, Iglá 1994: 336].

⁹ У цыган-ловарей России (северновлашская диалектная группа — СВл) апеллятив существует в формах *moré* и *mo*.

¹⁰ В цитированном фрагменте прописными буквами обозначены кодировки для названий диалектных групп цыган Европы: СД — северная диалектная конгломерация, СВД — северо-восточная диалектная группа,

СЦД — северные центральные диалекты, ЮБД 2 — южнобалканская диалектная группа II, ЮЦД — южные центральные диалекты, ВД — влашские диалекты (СВл — северные влашские, ЮВл — южные влашские). Кодировки и их расшифровки даны в переводе А.Ю. Русакова [2011: 690]. В круглых скобках приведены названия цыганских групп и диалектов.

¹¹ На антропонимическую природу обращения ром. *more*, а также на его широкую распространенность исследователи цыганской культуры обратили внимание еще в XVIII в. Так, Г. Грелльманн в диссертации 1783 г., посвященной культуре и истории цыган, ссылается на публикацию М. Келпия «На родине саксов в Трансильвании», где тот пишет: «они же (цыгане. — М.С.-С., К.К.) на своем языке называют себя морре (Morre)» [Grellmann 1787 (1783); цит. по Grellmann 1810: 36].

¹² Очевидно, это заимствование связано с ситуацией, когда цыгане, имевшие подруг среди нецыганок, называли их между собой *гаджи*. Цыгане так между собой могут называть и жену, невестку, свояченицу (нецыганку, вышедшую замуж за цыгана).

¹³ Составлено по: [Grierson 1904–1922, vol. IX, pt. 2: 306–307; vol. IX, pt. 1: 366–369; vol. IX, pt. 2: 464–465; vol. VIII, pt. 1: p. 578–581; vol. IX, pt. 4: 916, 761].

¹⁴ Составлено по: [Grierson 1904–1922, vol. IX, pt. 4: 86; vol. VIII, pt. 2: 14–15; vol. IV: 654–657; vol. II: 42–43].

¹⁵ Некоторые языки дравиды, видимо, в результате давних контактов с мундскими языками, используют префикс, или инструментальную частицу, *ko-/ku-* в начале слов.

¹⁶ Составлено по: [Grierson 1904–1922, vol. IX, pt. 4: 86, 966–969; vol. VIII, pt. 2: 14–15; vol. II: 40–41].

¹⁷ Именно это значение основы сходно с семантикой мужской формы *more* в цыганских диалектах.

¹⁸ Самый яркий пример — цыганский определенный артикль *o, i (e)*, который с равным успехом может трактоваться и как продукт развития индийских указательных местоимений, и как заимствование из греческого (об артикле в цыганском см.: [Boretzky 2000]) (ссылка из цитаты А.Ю. Русакова [2004: 21]).

¹⁹ Диалектные формы индийского этимона/этимонов см.: [Grierson 1904–1922; Turner 1962–1985: 575–576, 578], цит. в: [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: 762–763, 781–782]).

²⁰ Выше мы привели цитаты из публикаций С.В. Кулланды и С.А. Старостина об этом этимоне, где авторы реконструировали ностратическую лексему и пытались найти ее и в прасеверокавказском языке. Но, на наш взгляд, ностратическая гипотеза остается недоказанной, не говоря уже о родстве ностратических языков с северокавказскими. Поэтому индоевропейско-дравидские сходения мы склонны скорее признать результатом древних контактов. Приведем мнение авторов наиболее авторитетных учебников по индоевропеистике: «Эта ветвь сравнительного

языкознания находится в зачаточном состоянии, и число ученых, работающих над этой проблемой, очень ограничено. Главной проблемой является временная глубина реконструированных черт. Вполне очевидно, что чем раньше существовал предполагаемый праязык, тем меньше количество черт, которые мы можем реконструировать с какой-либо долей вероятности» [Beekes 2011: 32]. «Гипотеза о том, что индоевропейская семья языков находится в родственных отношениях с уральской или хамито-семитской, существует давно, со времен Х. Педерсена, под именем “ностратической”. Она не может быть ни доказана, ни опровергнута» [Meier-Brügger 2010: 43]. «Но большинство индоевропейцев не разделяют ее (ностратическую гипотезу. — М.С.-С., К.К.) и полагают, что в методологии ностратиков отсутствует необходимая строгость. В лучшем случае ностратическая гипотеза преждевременна» [Fortson 2010: 12]. «Но краткий обзор ностратики показывает, что реконструкция уровней, более высоких, чем праиндоевропейский, маловероятна на современном уровне наших знаний. Даже если бы ностратическая гипотеза была бы корректной, ее нельзя признать плодотворной для индоевропейских исследований» [Clackson 2007: 20] (перевод наш. — М.С.-С., К.К.). «Вполне ненаучными и фантастическими являются так называемые “ностратические” манипуляции» [Герценберг 2010: 148].

Абаев 1956 — *Абаев В.И.* О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1956. № 9. С. 57–69.

Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова; коммент. Ю.С. Степанова и Н.Н. Казанского. М.: Прогресс-Универс, 1995.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Сравнительно-исторический и типологический анализ языка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. 2.

Герценберг 2010 — *Герценберг Л.Г.* Краткое введение в индоевропейистику. СПб.: Нестор-История, 2010.

Гохман, Оранская 1988 — *Гохман В.И., Оранская Т.И.* Формы воспитания детей и подростков у пенджабцев Индии // Этнография детства. Традиционные формы воспитания у детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / Отв. ред. И. С. Кон, А. М. Решетов. М.: Наука, 1988. С. 174–189.

Деметеры 1990 — *Деметер Р.С., Деметер П.С.* Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект) / Под ред. Л.Н. Черенкова. М.: Русский язык, 1990.

Дзибель 2001 — *Дзибель Г.В.* Феномен родства: Прологомены к иденетической теории (АР-6). СПб., 2001.

Зудин 1950 — *Зудин П.Б.* Краткий афганско-русский словарь / сост. П.Б. Зудин; под ред. Е.Э. Бертельса. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1950.

Калиновская 1980 — *Калиновская К.П.* Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки // *Africana: Африканский этнографический сборник*. Вып. 12. Л., 1980. С. 49–80.

Костов 1956 — *Костов К.* Цыгански думи в българските тайни говори // *Известия на института на български език*. Книга IV. София: Издания на българската академия на науките, 1956. С. 411–425.

Красухин 2011 — *Красухин К.Г.* Лошади, ослы и индоевропейцы в Малой Азии // *Embathrion: Сборник в честь проф. В.П. Яйленко*. М.: Московский центр непрерывного математического образования, 2011.

Красухин, Сеславинская 2013 — *Красухин К.Г., Сеславинская М.В.* Соционим цыг. тоге: выражение внутриэтнического социального статуса и проблема сложносоставной этимологии // X Конгресс этнологов и антропологов. Москва, 2–5 июля 2013 г. Тезисы докладов. М., 2013. С. 198.

Кулланда 1998 — *Кулланда С.В.* Системы терминов родства и языковые реконструкции // *АР-2*. С. 47–75.

Левин 1970 — *Левин Ю.И.* Об описании системы терминов родства // *СЭ*. 1970. № 4. С. 18–30.

Мердок 2003 — *Мердок Дж.П.* Социальная структура. М.: ОГИ, 2003.

Мисюгин, Чернецов 1978 — *Мисюгин В.А., Чернецов С.В.* «История галла» как этноисторический источник // *Africana: Африканский этнографический сборник*. Вып. 11. Л., 1978. С. 151–192.

Перехвальская 1987 — *Перехвальская Е.В.* К проблеме слов с двойной этимологией // Тез. конф. аспирантов и молодых научных сотрудников Ин-та востоковедения АН СССР. М., 1987. Т. II: Языковедение, литературоведение. С. 106–109.

ПМСЦ — Полевые материалы М.В. Сеславинской и Г.Н. Цветкова.

ПМЦ — Полевые материалы Г.Н. Цветкова.

Попов 1982 — *Попов В.А.* Системы родства аканов как этносоциологический источник // *Africana: Африканский этнографический сборник*. Вып. 13. Л., 1982. С. 50–79.

Русаков 2000 — *Русаков А.Ю.* Рец. на книгу: Yaron Matras, Peter Bakker and Hristo Kyuchukov (eds.). 1997. *The Typology and Dialectology of Romani (Current Issues in Linguistic Theory, 156)*. Amsterdam: J. Benjamins, 1997 // *Малый диалектологический атлас балканских языков*. Материалы четвертого рабочего совещания. СПб., 2000. С. 144–161. URL: http://kulturom.ru/publicatios_of_language.html.

Русаков 2004 — *Русаков А.Ю.* Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. URL: http://kulturom.ru/publicatios_of_language.html.

Русаков 2011 — *Русаков А.Ю.* Цыганский язык (цыганские диалекты Европы) // *Языки мира: Новые индоарийские языки / редкол.:*

Т.И. Оранская, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Л.И. Куликов, А.Ю. Русаков. М.: Academia, 2011. С. 680–775.

Смирнова-Сеславинская 2011 — *Смирнова-Сеславинская М.В.* Актуальные проблемы исследования ранней истории цыган (про-тоцыган) в общем индолого-ромологическом поле (источники, методология) // ЭО. 2011. № 1. С. 98–113; URL: http://kulturom.ru/publications_of_researches.html.

Смирнова-Сеславинская 2013а — *Смирнова-Сеславинская М.В.* Проблема субъекта речи и межкультурной коммуникации в лингвоантропологическом исследовании: что такое «ром» с точки зрения носителя цыганского языка? // Культурологический журнал. 2013. № 1. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/188.html&j_id=13.

Смирнова-Сеславинская 2013б — *Смирнова-Сеславинская М.В.* Соционим *rom* в системе социальной терминологии цыган и его индийский этимон *dom* как маркеры этносоциальной динамики их носителей (опыт лингвоантропологического исследования) // Ранние формы постарных систем. СПб: МАЭ РАН, 2013.

Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009 — *Смирнова-Сеславинская М.В., Цветков Г.Н.* Цыгане. Происхождение и культура. Социально-антропологическое исследование / Отв. ред. Е.Н. Успенская. М.: София: Парадигма, 2009.

Трубачев 1959 — *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

Успенская, Смирнова-Сеславинская 2009 — *Успенская Е.Н., Смирнова-Сеславинская М.В.* Индийский грихapati и ромский *rativalo manush* // *Andral*. Sofia, 2009. № 53–54. С. 48–52.

Хориков, Малев 1993 — *Хориков И.П., Малев М.Д.* Новогреческо-русский словарь / под ред. П. Пердикиса, Т. Пападопулоса. М.: Культура и традиции, 1993.

Цветков 2011 — *Цветков Г.Н.* Цыганский язык (романи) и его исследование в интегральном междисциплинарном поле «язык — человек, культура, общество»: дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2011.

Beekes 2011 — *Beekes R.S.P.* Comparative Indo-European Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2011.

Benveniste 1937 — *Benveniste E.* Expression indo-européenne de l'«éternité» // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1937. Т. 38. P. 103–112.

Boretzky 2000 — *Boretzky N.* The definite article in Romani dialects // Grammatical Relations in Romani. The Noun Phrase / Eds. V. Elšik, Ya. Matras. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2000. P. 31–63.

Boretzky 2012 — *Boretzky N.* Die lexikalischen Gräzismen des Romani. Ein Beitrag zur Wortgeschichte. Geschrieben in Bochum 2009 — Veröffentlicht in Graz 2012.

Boretzky, Iglá 1994 — *Boretzky N., Iglá B.* Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch für den südosteuropäischen Raum: mit einer Grammatik der Dialektvarianten. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994.

Clackson 2007 — *Clackson J.* Indo-European Linguistics: Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Cohn 1969 — *Cohn W.* Some comparisons between Gypsy (North American rom) and American English kinship terms // *American Anthropologist*. 1969. Vol. 71. № 3. P. 476–482.

Early Romani — ROMANI Project — Manchester — Ранний романи в интернет-проекте РОМАНИ Университета Манчестера. URL: <http://romani.humanities.manchester.ac.uk/whatis/language/earlyromani.shtml>.

Fortson 2010 — *Fortson B.W.* Indo-European Language and Culture: an Introduction. 2 ed. Oxford et al.: Wiley-Blackwell, 2010.

Grellmann 1787 — *Grellmann M.H.G.* Historischer Versuch über die Zigeuner, betreffend die Lebensart und Verfassung, Sitten und Schicksale dieses Volkes seit seiner Erscheinung in Europa und dessen Ursprung. Göttingen: Dietrich, 1787 [1783].

Grellmann 1810 — *Grellmann H.M.G.* Histoire des Bohémiens, ou tableau des moeurs, usages et coutumes de ce peuple nomade; suivée de recherches historiques sur leur origine, leur language et leur première apparition en Europe / Trad. de l'Allemand sur la deuxième édition, par M.J. Paris: Joseph Chaumerot, 1810.

Grierson 1904–1922 — *Grierson G.A.* Linguistic Survey of India. Vol. I–XI. Calcutta: Superintendent Government Printing, 1904–1922.

Kakuk 1994 — *Kakuk M.* On the research of Gypsy loanwords in the Hungarian language // *Studies in Roma (Gypsy) Ethnography* / Ed. Z. Bódi. Budapest: Mikazáth, 1994. P. 200–203.

Kostić 1997 — *Kostić S.* Structure and origin of the kinship terminology in Roma's language // *Asian and African Studies*. 1997. Vol. 6. 1. P. 9–20.

Krasukhin, Seslavinskaya 2012 — *Krasukhin K., Seslavinskaya M.* The problem of double etymologies in a contact language: Origin of Romani *more* // 10th International Conference on Romani Linguistics. Universidad de Barcelona, Facultat de Filologia. Abstracts. September 5–7, 2012. Barcelona, 2012. P. 26–27.

Mallory 1991 — *Mallory J.* In Search of Indo-European. Oxford: Thames & Hudson, 1991.

Matras 2002 — *Matras Y.* Romani. A Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Meier-Brügger 2010 — *Meier-Brügger M.* Indogermanische Sprachwissenschaft. Berlin: De Gruyter, 2010.

Miklosich 1872–1880 — *Miklosich F.* Über die Mundarten und die Wanderungen de Zigeuner Europa's. Wien: Gerold, 1872–1880. T. I–XII.

Paspati 1870 — *Paspati A.G.* Études sur les Tchingianes ou Bohémiens de l'Empire Ottoman. Constantinople: Imprimerie Antoine Koromela, 1870.

Piasere 1982 — *Piasere L.* La terminologie des parents consanguins chez deux groupes Rom // *Études Tsiganes*. 1982. № 2(28) — trimestriel. P. 1–24.

Piasere 1994 — *Piasere L.* Approche dénotationniste ou approche connotationniste: les terminologies de parenté tsiganes // *Études Tsiganes*. 1994. № 2(40). P. 183–208.

Pott 1844 — *Pott A.F.* Die Zigeuner in Europa und Asien. Ethnographisch-linguistische Untersuchung, vornehmlich ihrer Herkunft und Sprache, nach gedruckten und ungedruckten Quellen. Halle: Heynemann, 1844.

Present-day Romani dialects — ROMANI Project — Manchester — Современные диалекты цыганского в интернет-проекте РОМАНИ Университета Манчестера. URL: <http://romani.humanities.manchester.ac.uk/whatis/language/presentday.shtml>.

Proto-Romani — ROMANI Project — Manchester — Проторомани в интернет-проекте РОМАНИ Университета Манчестера. URL: <http://romani.humanities.manchester.ac.uk/whatis/language/protoromani.shtml>.

ROMLEX — база данных по цыганским диалектам, Университет Граца. URL: <http://romani.kfunigraz.ac.at/romlex/whatisromani.xml>.

Starostin 1989 — *Starostin S.A.* Nostratic and Sino-Caucasian // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Т. 1. М.: ИВ АН СССР, 1989. С. 106–124.

The typology 1997 — The typology and dialectology of Romani / ed. by Y. Matras, P. Bakker, H. Kyuchukov. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1997.

Turner 1969–1985 — *Turner R.L.* A Comparative Dictionary of Indo-Aryan languages. L., 1962–1966 (Includes three supplements, published 1969–1985) URL: <http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas/>.

Weinreich 1953 — *Weinreich U.* Languages in Contact: Findings and Problems. N.Y.: Linguistic Circle, 1953.

Ανδριώτη 1983 — Ανδριώτη Ν. Ἑτυμολογικὸ λεξικὸ τῆς κοινῆς νεοελληνικῆς. Θεσσαλόνηκη, 1983.

Καμπάνας Ηλιάς 1983 — Καμπάνας Ηλιάς. Μονοτονικό λεξικό τῆς δημοτικῆς. Αθήναι, 1983.

Μανδελσον 1972 — Μανδελσον Α. Σύγχρονο ελληνογερμανικό λεξικό, Αθήναι, 1972.